

— Нет, это не так, — с ещё большим волнением произнёс Лэй Хунфэй. — Цзыхань, как ты можешь такое говорить? Кем ты меня считаешь? Разве я люблю тебя лишь для того, чтобы удовлетворить свои желания? Если бы это было так, я бы просто нашёл кого-нибудь для постели — разве это сложно? В наши дни мало кто воспринимает секс всерьёз. Цзыхань, я просто хочу любить тебя. Даже если мне удастся просто вот так обнять тебя, я уже буду безмерно счастлив.

Лин Цзыхань молчал.

Последние два года Лэй Хунфэй неустанно выражал ему свою сильную любовь, но в ответ он чувствовал лишь глухую беспомощность. Забота и неизменная любовь Вэй Тяньюя уже довели его до предела, и если добавить к этому чувства Лэй Хунфэя, он просто не выдержит. Четыре года назад он принял чувства Вэй Тяньюя, а три года назад отправился на выполнение «Миссии смерти». Тогда он любил Вэй Тяньюя. Но когда вернулся, из здорового человека превратился в слабую тень. Все его силы уходили на то, чтобы терпеть боль и бороться с наступавшей тьмой. На любовь их больше не оставалось.

Теперь и Лэй Хунфэй был уже не тем наивным юнцом, каким был раньше. Он понимал чувства Лин Цзыхана и сам ощущал ту же беспомощность. Он нежно поцеловал длинную шею человека в своих объятиях и прошептал:

— Цзыхань, я знаю, как тебе тяжело, прости... Я просто хочу быть с тобой... просто хочу быть с тобой...

Лин Цзыхань закрыл глаза и через мгновение спокойно сказал:

— Хунфэй, не надо. Твои подчинённые ждут.

Лэй Хунфэй тоже понимал: его начальство и подчинённые ждут, у них нет времени на подобные разговоры. Он не хотел слишком докучать Лин Цзыханю. Неохотно подняв голову, он глубоко посмотрел на прекрасные, но крайне бледные черты его лица и очень тихо произнёс:

— Цзыхань, тебе не нужно мучиться. Я просто хочу сказать, что люблю тебя. Очень сильно.

— Я знаю, — спокойно ответил Лин Цзыхань, слегка кивнув. — Хунфэй, ты мой самый близкий брат. И всегда им будешь.

Лэй Хунфэй понимал: в таких делах нельзя торопиться, особенно сейчас. Услышав его слова, он почувствовал в душе и сладость, и горечь, но больше ничего не сказал, лишь крепче обнял Лин Цзыхана за талию и долго не отпускал.

На следующий день после окончания противостояния Лин И лично позвонил Лин Цзыханю и вызвал его в Совет национальной безопасности для получения задания.

Лин Цзыхань немедленно вернулся из тренировочного лагеря Сишань. Тихо вошёл в серое здание и сел перед отцом.

Глядя на сына, Лин И вспомнил вчерашние высокие оценки от высшего руководства. Он внимательно разглядывал его, некоторое время молча.

Лин Цзыхань терпеливо ждал, не проронив ни слова.

Ему ещё не исполнилось тридцати, но во взгляде читалась мудрость столетнего старца, будто

он уже прошёл через все испытания. Его когда-то сиявшие, как звёзды, глаза теперь утратили блеск — в них застыли лёгкая рассеянность и меланхолия.

За последние полгода они виделись с отцом лишь несколько раз вне работы.

Лин И был слишком занят, а характер Лин Цзыхана становился всё более замкнутым. Кроме работы и походов в больницу на обследования и лечение, он обычно запирался в своей маленькой квартире в Хуэйлунгуане, почти отгородившись от мира.

За эти полгода Лин И несколько раз приглашал его на обед, а Тун Юэ часто звонил, прося приехать домой. Лин Цзыхань возвращался, сохраняя вежливость и скромность, но Лин И и Тун Юэ заметили: характер юноши стал ещё холоднее, он словно потерял интерес ко всему, особенно к собственному здоровью.

С тех пор как он вернулся к работе, Тун Юэ настаивал, чтобы он регулярно проходил обследования, но тот часто «забывал» об этом, что вызывало раздражение у медицинских специалистов.

Теперь Лин И смотрел на него с глубокой тревогой. Однако отправка Лин Цзыхана на это задание была личным решением Фан Гоцзи, и выбора не оставалось. Собравшись с мыслями, он спокойно нажал на сенсорную панель на столе, вызвав на экран информацию о задании.

Лин Цзыхань внимательно слушал рассказ отца, одновременно просматривая фотографии и текст на экране.

Задание действительно оказалось неожиданным. Подобные секретные независимые расследования в армии, минуя обычные процедуры, раньше не проводились. К тому же объектом расследования был знаменитый «Дикий волк» Лин Цзин. Впервые в жизни Лин Цзыхань почувствовал неуверенность в своих силах.

По правилам, армия, Министерство госбезопасности, судебные органы и инспекционные системы имеют свои внутренние отделы по проверке дисциплины. Но, как сказал древнеримский поэт Ювенал: «Кто будет следить за теми, кто следит?» Поэтому государство создало «Особый механизм расследований» для перекрёстных проверок в особых случаях. Например, когда Министерство госбезопасности отправляет следователя в армию или Министерство общественной безопасности расследует нарушения среди сотрудников госбезопасности. Однако этот механизм, похоже, никогда раньше не использовался, и сейчас, вероятно, его применили впервые.

Закончив объяснение, Лин И посмотрел на молчаливого сына, словно понимая его мысли. Он спокойно заметил:

— Председатель и министр обороны считают, что ты — единственный подходящий кандидат. Я тоже думаю, что ты лучше всех справишься с этим заданием. Дело крайне важное: нужно выяснить истину, но не допустить напряжения между армией и нами. Особенно важно не поддаваться эмоциям и не проявлять предвзятости во время расследования. Поэтому твоё назначение — самое подходящее.

Лин Цзыхань посмотрел на экран, где был изображён Лин Цзин в форме полковника, выглядевший очень внушительно, и медленно кивнул.

Лин И спокойно посмотрел на сына и мягко сказал:

— Устройство тебя в армию может занять время, поэтому сначала отправляйся в Синьцзян — соберёшь информацию, осмотришь место событий.

— Хорошо, — ответил Лин Цзыхань.

Он встал и ушёл, не обменявшись с отцом лишними словами.

Лин И посмотрел на уходящую спину сына, вздохнул и взял телефон, чтобы позвонить Лэй Чжэню.

На следующий день Лин Цзыхань, переодевшись в туриста с рюкзаком, в одиночку вылетел из Пекина в Корлу, затем не спеша сел на автобус до Аксу, арендовал джип и отправился в пустыню Такла-Макан.

Дорога через пустыню тянулась прямо к горизонту. За рядами тополей вдоль обочины клубился жёлтый песок.

Мир казался бескрайним, и он был здесь совсем один.

Лин Цзыхань мчался на джипе к месту назначения, чувствуя неожиданное спокойствие. Он всё больше отвыкал от жизни среди людей, и лишь дикая природа, лишённая человеческого присутствия, казалась ему самым близким другом.

Такла-Макан на древнем языке Лоуланя означало «ушедший дом». Думая об этом названии, Лин Цзыхань почувствовал глубокую печаль. Его духовный дом действительно ушёл.

Из-за разницы во времени запад Синьцзяна отставал от Пекина на два с лишним часа. Когда Лин Цзыхань добрался до маленькой деревни в пустыне, было уже семь вечера, но солнце всё ещё висело низко над горизонтом.

Деревня казалась нетронутой. В ней не было ни одного живого существа — даже насекомых. Царила полная тишина.

Лин Цзыхань остановил машину у въезда, вышел и осторожно, шаг за шагом, стал осматривать всё вокруг.

Крыши глинобитных домов, их внутренние помещения и дороги были покрыты толстым слоем жёлтого песка. Ветер и песок постепенно погребали эту уже мёртвую деревню.

Лин Цзыхань внимательно осматривал местность, но ничего подозрительного не обнаружил. Пустыня уже скрыла все следы.

Наконец, в багровом свете заката он увидел в одном из домов детскую игрушку — маленькую овечку, вылепленную из глины. Она лежала разбитая на куски.

Он вернулся в машину, положил голову на руль и, глядя на быстро спускающуюся тьму, твёрдо решил: как бы трудно ни было, он обязательно докопается до истины.

Когда он вернулся в Пекин, его ждал официальный приказ о переводе из Инспекционного управления Министерства госбезопасности в Отдел специальных операций Министерства обороны. Его приняли на службу в качестве особого специалиста, и в соответствии с политикой присвоили звание подполковника сухопутных войск.

<http://bllate.org/book/16287/1468896>